

Lucjan Suchanek

Возможен ли диалог культур? А. Солженицын, А. Зиновьев, Э. Лимонов о Западе

Acta Polono-Ruthenica 6, 145-153

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

II. MEANDRY IDEI SŁOWIAŃSKIEJ I DIALOG KULTUR

Lucjan Suchanek
(Polska, Kraków)

Возможен ли диалог культур?

А. Солженицын, А. Зиновьев и Э. Лимонов о Западе

Рассуждения на тему диалога культур следует начать с семантико-логических замечаний, с объяснения терминов, которыми будем пользоваться. В науке многие исследователи высказывались о терминах культура и цивилизация, подчёркивая их сходства и различия – на эту тему существует богатая литература. Мы будем трактовать оба термина как синонимы.

Выступающее в заглавии слово диалог понимается в таком значении, какое оно получило в философии диалога, философии встречи, т.е. в горизонте добра (Бубер, Бахтин, Тишнер и ряд других мыслителей). При таком подходе акцент падает на положительный характер встречи, диалога, им чужда аксиологическая конфронтация. Исключаются отрицательные эмоции, нетерпимость, вражда. Диалог и встреча взаимно обогащают, они не несут с собой деструкции, не могут вызывать метафизической тревоги, того, что Хейдеггер называл *die Angst*.

В широком культурном плане не может иметь места разрушение существующего до сих пор порядка жизни и введение нового, так как в плане эпистемологическом, моральном и аксиологическом это вызывает стресс и психическую депрессию, подавленность, упадок духа. В таких случаях встреча превращается в род болезни, которая вызывает напряжение эмоциональное и волевое, делает прежнюю экзистенцию неаутентичной.

Боязнь того, что предлагает другая культура, рождает ксенофобию, замкнутость в своем мире, в результате чего человек, общество, народ, страна становится замкнутой монадой. Это может привести к бунту,

являющемуся формой защиты своего существования и системы ценностей, на которых она была построена, так как они позволяли индивиду реализовать себя. С другой стороны, не следует забывать, что встреча может рождать желание овладеть другим, отнять у него свободу, навязать свой образ мира, свою систему ценностей, которые абсолютизируются и представляются как единственно правильные. При таком подходе пренебрегается миром ценностей Другого, отнимается у него его субъективность, он подвергается реификации.

*

В своём фундаментальном труде *A Study of History* Арнольд Тойнби выделил двадцать один цивилизаций (цивилизационных кругов, обществ), а среди них Западную и Восточно-Ортодоксальную, различая цивилизацию Ортодоксально-Византийскую и Ортодоксально-Русскую.¹ С. Хантингтон западную и ортодоксальную цивилизацию причисляет к главным (major civilizations).² Обе цивилизации появлялись в историко-софских концепциях Конечного,³ Шпенглера⁴ и других исследователей.

Историки отмечают, что между цивилизациями может не существовать никаких контактов или, наоборот, они входят в разного типа интеракции. Контакт с другой цивилизацией может иметь положительное значение и не допускать застоя и в эффекте также смерти цивилизации. Такая встреча, как замечает Тойнби, является продуктивной лишь тогда, когда существует поле, на котором она возможна.⁵ Итак, во второй половине XVII столетия западная и русская ортодоксальная цивилизация встретились в сфере литературы, письменности. В период, когда Русь в следствие изоляции и самообожания попала в тупик, что угрожало её существованию, Польша, а также в известной степени Украина, была посредницей в трансляции на русскую почву культуры Запада, способствуя дальнейшему творческому развитию Руси.⁶

В наше время, замечает Хантингтон, замечен начавшийся значительно раньше, но имеющий тогда ограниченное значение, напор

¹ A. Toynbee, *A Study of History*, vol. I–X, London 1934–1954.

² S. Huntington, *Zderzenie cywilizacji*, przekł. H. Jankowska, Warszawa 1997, s. 46.

³ H. Koneczny, *O lud w historii*, London 1977; его же, *Cywilizacja bizantyńska*, London 1973.

⁴ O. Spengler, *Der Untergang des Abendlande*, München 1918–1922.

⁵ A. Toynbee, *A Study of History*, vol. VIII, s. 97.

⁶ L. Suchanek, *W stronę Zachodu. Andrzej Białochocki i wpływy polskie w literaturze rosyjskiej*, „Rocznik Komisji Historyczno-Literackiej”, XXII, 1985, s. 167–177.

западной цивилизации на другие цивилизации.⁷ Её активность заметна прежде всего на территории России и стран, которые недавно оставались в сфере влияния Советского Союза.

По мнению Тойнби, в истории цивилизаций, культур решающую роль играют явления, определяемые исследователем терминами „вызов” (challenge) и „ответ” (response). В свете этой теории ситуация общества, культуры, цивилизации является результатом реакции на крупные события или принципиальные трудности, которые заставляют занять определённую позицию. Каждый ответ создаёт одновременно новую ситуацию, которая, в свою очередь, включает в себе новый вызов.

Падение коммунизма и распад Советского Союза вызвали в России новую ситуацию. Выходом из тупика может – как в XVII столетии – оказываться интеракция с другой цивилизацией – западной. Её влияние началось раньше, ещё в советскую эпоху, но имело второстепенное значение. Оказывается, что нет однозначного поля, на котором мог бы начаться диалог, в котором принимают участие обе стороны. Для его возникновения обязательно двустороннее желание диалога, принимающая сторона должна быть убеждена, что его результаты будут плодотворны и будут служить гармоническому развитию. Иначе говоря, сторона принимающая должна иметь положительное отношение к типу цивилизации, с которой она вступает в интеракцию.

Отношение к Западу – это центральная проблема русской мысли, философских и историософских концепций, текстов идеологов и пропагандистов, произведений литературы.⁸ Запад редко изображался как положительная идея, чаще он отбрасывался и резко критиковался. В письменности, особенно полемической, он как тема появляется в средневековье, когда „латинство” было символом псевдохристианства, схизматического вероисповедования. Заметно тогда также резко отрицательное отношение к западным обычаям и воспитанию. Фундаментальной категорией станет Запад в концепции славянофилов в их споре с западниками. Отбросил его Герцен, Шевырев (гнилый Запад), панслависты, Достоевский (кладбище Европы), евразийцы, официальная идеология Советского Союза. Отрицательное отношение к Западу характерно также для современных писателей и мыслителей. Мы остановимся на высказываниях трёх из них – Солженицына, Зиновьева и Лимонова.

Показательно, что критическая характеристика Запада появилась в текстах Солженицына, когда Советский Союз был второй сверхдержавой

⁷ S. Huntington, *Zderzenie cywilizacji...*, s. 58.

⁸ Patrz o tym: L. Suchanek, *Homo sovieticus. światłana przyszłość. gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*, Kraków 1999, s. 227–234.

и западная цивилизация, в особенности Соединённые Штаты, для большинства жителей СССР был образцом свободы и экономического развития. Солженицын подверг сомнению этот американский (западный) синдром, показывая темные стороны западной цивилизации. Решительный противник коммунизма, посмотрел на Запад глазами моралиста. Как ни странно, предупреждал перед падением общественного мужества, мужества правительств, потерянностью воли, представлял их как первый признак конца. Не мог тогда предвидеть, что холодная война закончится поражением Советского Союза. Его поразило, что в ситуации, когда на Востоке коммунизм идеологически потерял всё, западная интеллигенция чувствительна к этой идеологии и сохраняет к ней симпатию. Писатель критиковал свободу безответственную, допускающую злоупотребления для морального насилия над юношеством, отмечал широкую преступность, терроризм, ему не нравилась чрезмерная свобода печати и характерная для неё поверхностность и поспешность. Солженицын в *Речи в Гарварде* говорил: „Если меня спросят... хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшний Запад, как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашею страной в этом веке, – западная система в её нынешнем духовно-истощенном виде не представляется заманчивой. Даже перечисленные особенности вашей жизни приводят в крайнее огорчение”.⁹ Аналогичные мысли находим в брошюре Солженицына *Как нам обустроить Россию*, которая появилась в годы перестройки.¹⁰

Сдержанное критическое отношение Солженицына к Западу становится однозначно отрицательным в его последней книге *Россия в обвале*.¹¹ В отличие от предыдущих текстов сейчас на первый план выдвигается политический аспект. Эгоистически расчётливое, как и всякое нормальное государственное руководство, американское правительство – пишет – „в особых условиях после краха советского соперника всё более втянутое в имперский курс контролировать всю бы планету” (28). Писатель утверждает, что американское правительство

⁹ А. Солженицын, *Речь в Гарварде*, [w:] А. Солженицын, *Собрание сочинений*, т. 9: Публицистика. Статьи и речи, Вермонт – Париж 1981, с. 290. Далее цитирую по этому изданию, в скобках указывается страница. О публицистике Солженицына смотри: L. Suchanek, *Aleksander Solżenicyn. Pisarz i publicysta*, Kraków 1994, s. 117–135.

¹⁰ А. Солженицын, *Как нам обустроить Россию. Посильные соображения*. Брошюра вышла одновременно в журналах „Русская мысль” и „Комсомольская правда”.

¹¹ А. Солженицын, *Россия в обвале*, Москва 1998.

„десятилетиями жаждало поражения и развала Советского Союза” (30). „По мере ослабления России до хаотического состояния – намерения цивилизованного Запада относительно нас всё менее скрываются, а неистовыми политическими врагами России, как Киссинджер или Бжезинский, уже не раз высказывались с полной откровенностью («лишняя страна» на карте мира)” (30). Солженицын высказывает мнение, что Америка выступает не против коммунизма, а против России, направление её политики из антикоммунистического стало явно антирусским. Писатель приводит примеры откровенного вмешательства Америки в дела России. Из факта, что Россия рабски подчиняется диктату Международного Валютного Фонда, Солженицын делает вывод, что Западу нужна Россия не экономически самодостаточная, а технологически отсталая. Писатель обращает внимание на существенный факт – уклад чужой жизни невозможно скопировать и резко критически оценивает то, что русские кинулись перенимать западные формы жизни.

Резко отрицательная картина Запада появляется в тексте Эдуарда Лимонова *Дисциплинарный санаторий. Этюд социальной ментальности современных обществ*.¹² Критически оценивая книгу Оруэлла 1984 год, которая изображала старое hard насилие в тоталитарных обществах, Лимонов описывает новое soft насилие, то есть мягкие методы управления массами, характерные для „цивилизованного” Запада. Он пишет: „Если сущность hard заключается в физическом подавлении человека, soft основано на поощрении его слабостей. Идеал жестокого насилия – превратить мир в тюрьму строгого режима, идеал мягкого – превратить человека в домашнее животное” (187). Характеризуя систему Запада, Лимонов обращает внимание на фальшивую цель человеческой жизни – стремление к экономическому благополучию. Подчёркивает, что в этом обществе все подавляют всех, в нем есть domesticiрованные массы, напуганные, подвергнутые инфантилизации, ведущие жизнь домашних животных. Это современное западное общество Лимонов называет санаторией для психически больных. (Напоминает, что СССР сравнивали с ГУЛагом, тюрьмой, концлагерем).

Лимонов характеризует санаторную цивилизацию, санаторное общество, описывает идеального больного (гражданина), скучную санаторную действительность, скучного санаторного человека (homo sanato-

¹² Э. Лимонов, *Дисциплинарный санаторий. Этюд социальной ментальности современных обществ*, [w:] Э. Лимонов, *Убийство часового*, Москва 1993, с. 181–360. Далее цитирую по этому изданию, в скобках указывается страница. О тексте Лимонова смотри : L. Suchanek, *Parias i Heros. Twórczość Eduarda Limonowa*, Kraków 2001, s. 194–209.

gium). Пишет: „Санаторий – самая механическая социальная конструкция, какая когда-либо существовала. Не отношение к Богу, не отношение человека к человеку есть её фундаментальный принцип, но отношение человека к предметам” (197).

Описанная Лимоновым тоталитарная система во многом напоминает советскую, у неё такие же пороки как у коммунизма, её картина выдержана в одних темных красках – безработные, цензура, табу, деятельность медиа, банализация смерти, эрзац-удовольствия, теле-реальность – заменитель жизни, алчная эксплуатация земли, цифризация существования, упоение современностью и прогрессом, сексреволюция. Читателю иногда кажется, что он читает советскую пропагандистскую брошюру, написанную однако более талантливо.

Лимонов подчёркивает аrogантность западной культуры по отношению к другим культурам, её нарциссизм. „Западный европеец – пишет – сделался высокомерен и самовлюблён. Он с упоением читает мораль странам и нациям и всей истории человечества, поощряя их только в тех случаях, когда их поведение копирует санаторное. Чужие традиции он не уважает, он не может допустить и мысли о том, что режим, не называемый «демократическим», может быть удобен для жизни человека. Навсегда оставшийся миссионером, сегодня он распространяет не христианство, но санаторный образ жизни. Мир за пределами его санаторного блока для него – Барбария” (253).

Лимонов отрицает западную антропологию, оспаривает её главное положение, согласно которому человек это – в отличие от советского коллективизма – индивидуум. Парадоксально, западный строй он называет коллективократией. В западном мире идеология, основанная на принципе прогрессизма, в отличие от своей традиционной функции, употребляется не для возбуждения масс, но для их успокоения.

В свете таких концепций естественным кажется вывод Лимонова – человечество должно заменить санаторную (западную) цивилизацию иным общественным строем. Санаторная (западная) Утопия – это преступление против человека, которое приведёт к уничтожению индивидуума и идеи индивидуума.

Характеристика, данная Лимоновым цивилизации Запада, исключает диалог культур. К аналогичному выводу приводит знакомство с описанием Запада в текстах Зиновьева, особенно в одной из последних его книг – *Запад. Феномен западнизма*.¹³ Этот „нестандартный” писатель и мыслитель воспринимает современность в плане макро как дихотомии-

---

¹³ А. Зиновьев. *Запад. Феномен западнизма*, Москва 1995. Далее цитирую по этому изданию, в скобках указывается страница.

ческую систему: Запад и всё остальное. С этноцентрической и идеологической точки зрения для него несущественным является то, что существует один западный мир и много незападных. Он пользуется термином западнизм, обозначающим социальный строй западных стран.

Запад для Зиновьева – явление уникальное, единственное и неповторимое в истории человечества, он не идентифицирует его с капитализмом. Писатель вводит понятие западоид и называет его основные качества, среди которых находится индивидуализм как противопоставление коллективизма (я–цивилизация).

Зиновьев занимается социальной структурой населения и классами западного общества, безработицей, богатством и бедностью. Анализирует частную собственность, частное предпринимательство, экономику и её формы, категорию рынка, денежный механизм, конкуренцию, капитализм, проблему государства и рынок.

Кроме делового аспекта западнизма Зиновьев описывает также его аспект коммунальный, который имеет тенденцию к разрастанию и усилению. Коммунальность охватывает государство, право, гражданское общество. Рассматривая одну из самых фундаментальных категорий западнизма. Зиновьев полемизирует с К. Поппером, Ф. Хайеком, М. Вебером и другими исследователями и доказывает, что демократия является характерным термином идеологии. Как типичное явление западнизма характеризует писатель партийную систему и выборы как форму легитимизации власти. Смутным кажется ему понятие гражданское общество, по-своему понимает он понятие масса.

Много места посвящает Зиновьев идеологии, которая является для него социологически нейтральным термином. Он полемизирует с теми, кто объявил конец эры идеологии (Фукуяма). Писатель утверждает, что система идеологического „обалванивания” на Западе является более мощной, чем подобная в Советском Союзе. Идеологию западнизма сравнивает с религиозными доктринами и показывает, что она образует единое целое с культурой, которую оценивает критически.

Описывая человеческий материал, писатель замечает, что западоиды в подавляющем большинстве никогда не были индивидуализированными личностями, равно как они не являются существами моральными. Западоид, пишет, это искусственно выведенное существо – сверхчеловек. Проблему „быть или иметь” он решил в пользу иметь.

Зиновьев отбрасывает образ Запада как лучшего из миров и показывает различные его пороки. Писатель обращает внимание на превращение общества в информационное, на тенденцию к интеграции Запада, и пути к глобальному обществу (глобализация экономики,

мировая культурная империя, информационный империализм). Западнизацию понимает как „стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре” (416). Цель такой деятельности – создание колоний нового типа – колониальных демократий. Глобализацию, которая в наше время является, главным образом, американизацией, Зиновьев трактует как империализм. Он является причиной того, что модернизация становится вестернизацией. Зюганов говорит о глобальной смуте.

Картина Запада, его общества и западоида нашла отражение в книге Зиновьева *Глобальный человек*,¹⁴ являющейся по своей форме социологически-футурологической повестью. Нарисованная в ней картина цивилизации будущего западнизма имеет форму антиутопии. Она создала существо, которое потеряло человечность во всех измерениях личности – интеллектуальном, духовном, моральном, психическом. Как в случае с коммунизмом антропологический и этнический эксперимент не удался. Более того, Зиновьев склонен положительнее оценивать коммунистический эксперимент. Писатель заканчивает своё произведение катастрофическим пророчеством: „Остался один путь спасения человека и вообще жизни на нашей планете – разрушение всей нашей цивилизации” (454).

*

Все три писателя, о которых шла речь, хотя они занимают различные мировоззренческие, философские и идеологические позиции, сходятся в одном: они критически оценивают западную цивилизацию и не видят возможности диалога культур. Нужно подчеркнуть, что их отношение к Западу не является исключением, наоборот, можно с большой уверенностью утверждать, что их голос – это выражение дум многих граждан современной России. Тех, кто потерял существующие до сих пор ориентиры и не хочет примириться с новой действительностью. Кстати, следует отметить, что это ситуация не только России, но также других стран, входивших в советский блок. На русской почве она более выразительна, так как там не исчезло имперское сознание. Жителям второй сверхдержавы трудно согласиться с фактом, что страна потеряла свою прежнюю позицию. Это можно объяснить по-разному – в аспекте мировоззренческом, идеологическом, политическом, психологическом.

---

¹⁴ А. Зиновьев, *Глобальный человек*, Москва 1997. Далее цитирую по этому изданию, в скобках указывается страница.

У части сильна ещё ностальгия по коммунизму, многие приветствовали падение этой системы. Модернизация, как в экономическом, так и идейном плане, для многих неприемлема. Она не воспринимается как своя и поэтому вызывает сопротивление. Влияние Запада оценивается не как диалог, а как экспансионизм, навязывание своей цивилизационной модели, которая не может быть механически перенесена в другие условия. И поэтому поддерживаются поиски своего пути развития, третьей дороги, на которой возможен диалог культур и цивилизаций. Но однако, нет согласия на идеологический и экономический империализм: своё всегда важнее, чем чужое.